

Павел Михед: «Если вы хотите рассказать иностранцу об Украине, посоветуйте ему почитать Гоголя»

Николай Гоголь

Первое апреля — день шутников и остро-словов — для украинской и русской литературы прочно связано с именем Николая Гоголя. В пасхальные дни Гоголь вспоминается также — как великий мистик и духоискатель. Вспоминается и его «Светлое воскресенье» — последняя глава из «Выбранных мест из переписки с друзьями». О том, «чей» Гоголь, каков он и почему важен для нас сегодняшних, мы беседуем **с заведующим отделом славянских литератур Института литературы им. Шевченко НАН Украины доктором филологических наук, профессором Павлом Михедом.**

— Павел Владимирович, вот уже без малого два столетия читают произведения Гоголя и в Украине, и в России. Как бы вы оценили роль Гоголя в украинской и русской культуре?

— Чей Гоголь, это вопрос второго плана. Гоголя сегодня читает весь мир, во многих странах сложились мощные научные школы, произведения писателя не утратили актуальности: достаточно посмотреть на многочисленные цитирования в постмодернистских текстах. Есть классика мертвая, а есть живая. Гоголь — живой классик, он продолжает завораживать читателя. Определяя природу своего времени, Гоголь повторял формулу: «Мир в дороге». Разве этим он не близок современности? Гоголь берет человека в его первичной сути и отыскивает в нем Божью искру (даже среди самых несчастных).

...Что касается влияний, то это вопрос сложный и тонкий, но я попробую сформулировать свое мнение. Если посмотреть навскидку на роль Гоголя и его творчества в исторических судьбах России и Украины, то она выглядит довольно непростой, здесь есть свои pro et contra. Гоголь был не только великим зодчим, но и великим разрушителем. Такова

природа гения.

...Если говорить о России, то можем смело констатировать, что Гоголь оставил глубокий след в ее историческом бытии. Он был едва ли не последним из великих украинских миссионеров, поход которых на Москву начался еще с середины XVII столетия и имел целью интеллектуальное развитие православной империи, которая виделась твердыней христианского мира.

Более того, Гоголь усилил мессианские устремления русских в новое время. Россия была выбрана Гоголем как своеобразное поле и одновременно как способ обновления христианской веры. ...Самочинное апостольство — а я считаю, что есть основания именно так оценивать и квалифицировать стержневой вектор жизни писателя и мыслителя, — Гоголь решил реализовать именно на русском пространстве. Россия по своим масштабам отвечала грандиозности его замысла. Это была попытка воплощения православной редакции «нового христианства». Своего рода контрреформация, имевшая целью преобразование православных.

Диалоги с Богом

— К слову, об апостольстве. Я читала вашу статью об апостольском проекте Гоголя. Там вы говорите, что Гоголь обращался к этой мысли еще в детстве, так ли это?

— Если быть точным, то начала этой идеи идут еще глубже, а именно — к истории женитьбы родителей Гоголя — Марии Ивановны Косяровской и Василия Афанасьевича. Об этом рассказала в свое время Мария Ивановна в письме к С. Аксакову.

Напомню основные события этого «сюжета». Речь идет о мистическом предвидении, о сне, приснившемся Василию Афанасьевичу, когда он был еще мальчиком. Ему приснилось, что он «стоял в храме по левой стороне; внезапно царские врата открылись, и вышла царица в порфире и короне и начала говорить к нему словами: «Ты познаешь много болезней... но все минет — ты исцелишься, женишься, и вот твоя жена». И он увидел подле ее ног дитя, сидевшее на полу, и черты его запечатлелись в памяти». Василий Афанасьевич забыл этот сон, но как-то в местечке Ярьсках, куда семейство ездило на молебен в церковь, он увидел в доме тетки будущей жены на руках у кормилицы семимесячное дитя и ясно рассмотрел лицо ребенка, на которое во сне указывала Богородица.

Он никому не рассказал об этом, но начал часто бывать в доме и охотно играл с ребенком, удивляя взрослых своим энтузиазмом. Когда будущей жене должно было исполниться четырнадцать лет, Василий Афанасьевич увидел «тот самый сон в том самом храме, но не царские врата открылись, а боковые алтарные, и вышла дева в белом платье с сияющей короной на голове, красы неопикуемой, и, указав в левую сторону, сказала: «Вот твоя невеста». Он оглянулся туда и увидел девочку в белом платье, сидевшую за работой перед маленьким столиком и имевшую те же самые черты лица». После этого Василий Афанасьевич попросил руки Марии Ивановны. Об этом событии знали в семье, о нем не раз упоминал Гоголь. Именно в нем, по моему мнению, истоки идеи избранности, особого предназначения, которой придерживался Гоголь до последнего дыхания...

На этом события, направлявшие Гоголя к идее избранности и особого предназначения, не завершились. Двое первых детей родились мертвыми. Тогда Мария Ивановна дала обет перед чудотворным образом Николы Диканьского: если родится сын, назвать его Николаем — в честь святого. По словам сестры Ольги, писатель «любил вспоминать о том, почему его называли Николаем».

В возрасте девяти лет умер брат Иван. И в глубоко религиозном сознании Гоголя, который вышел из средневекового украинского села и был глубоко верующим человеком, появилась (не могла не появиться) сакральная мысль: «Господь отчего-то благоволит к тебе, не случайно Он оберегает тебя. Ты избранник Божий». Вот где, на мой взгляд, корни гоголевского апостольства. Он на протяжении всей жизни ощущал свое особое призвание. Отсюда его замкнутость, таинственность, определенная отстраненность (с точки зрения посторонних), иногда высокомерие. Главный диалог жизни Гоголя — диалог с Господом, причастность которого ко всем своим делам он никогда не ставил под сомнение. Признание же писательского таланта лишь укрепляло его в вере, ибо «слово было у Бога, и слово было Бог».

Россия и «ужасный хохол»

— Вернемся к собственно идеям апостольства Гоголя и его влиянию на русскую культуру...

— Во-первых, Гоголь констатировал невозможность дальнейшей полноценной жизни в условиях омертвления человеческой души. Он закладывал в глубины русского сознания идею перемен, которая с годами только разрасталась и актуализировалась в последующие эпохи, завершившись революцией, ужасным переворотом и разрушением основ национального бытия народа. Хотя сам Гоголь видел и проповедовал иную форму обновления мира — через идею личностного самосовершенствования и личного спасения верой. Идея эта оказалась очень раздражающей и не сработала еще и потому, что поставила перед каждым человеком большое задание, оказавшееся не под силу, особенно тем нетерпеливым, чья эгоцентрическая уверенность в своей праведности была непоколебимой. С этим мы «благополучно» дожили до сего дня. И этим, понятно, Гоголь актуален не только для россиян. Это универсальная проблема. Гоголь привил русскому обществу острое и животворное переживание христианского чувства. Известно позитивное, если не восторженное отношение к этому Шевченко и Кулиша, которые высоко ценили «Выбранные места из переписки с друзьями», книгу, над которой, за небольшим исключением, посмеялась интеллектуальная Россия и которая пришлось не по вкусу и Виссариону Белинскому.

Однако о своих идеях, изложенных в «Выбранных местах», Гоголь вынудил говорить все российское общество. Книга никого не оставила равнодушным. Еще Гершензон, кажется, отметил, что это была первая в истории России общенациональная дискуссия, поводом к которой стала книга Гоголя. Вся читающая Россия была его аудиторией. И хотя приговор был отрицательным, он не был всеобщим. И уже последующие поколения стали проявлять живой интерес к этой трагической книге, которая сегодня, на очередной волне «нового средневековья», переживает второе рождение.

— В чем вы усматриваете негативное влияние Гоголя на русскую культуру?

— А давайте отстраненно посмотрим, какой предстала Россия в его произведениях. Возьмите «Мертвые души», «Ревизор»... Разве такой была Россия, великая империя, которая уже после антинаполеоновской кампании нависла над Европой, заставив считаться с собой? Русское воинство победно прошло по Европе. Посмотрите на архитектуру Петербурга, на литературу. Роскошь и высокая торжественность столицы отвечала сакральному духу империи. Царь — помазанник Божий... И в этих пафосных и высоких сферах как диковинная комета засветился смех Гоголя, от которого великая империя потеряла свое величие. Смех в русской культуре явление маргинальное. Русская культура по своей природе серьезна и угрюма. Как говорил Пушкин, «от ямщика до первого поэта мы все поем уныло»... Искристый смех Гоголя, который от шуток первых повестей перешел в «Ревизоре» к высмеиванию имперских институтов, покорила Россию. После Гоголя стало модно смеяться надо всем. После премьеры «Ревизора» Николай Первый скажет, что досталось всем, а ему больше всех... Это было великим

освобождением из темноты угрюмости. Вместе с Гоголем в русской литературе появляется полуденная волна света и смеха. Как говорил Аксаков, Гоголь «заставил всю Россию смеяться по своему произволу».

Возможно, наиболее полно оценил это Василий Розанов, который всю жизнь боролся против Гоголя, с первых своих статей. Я напомним некоторые его высказывания: «Появление Гоголя было большим несчастьем для Руси, чем все монгольское иго»; «Гоголь отвинтил какой-то винт внутри русского корабля, после чего корабль стал разваливаться, он «открыл кингстоны», после чего началось неудержимое, медленное, год от года потопление России»; «Нигилизм не мыслим без Гоголя и до Гоголя». Думаю, достаточно. Розанов тонко подметил опасность гоголевского смеха, который подтачивал Россию изнутри. Любопытно, что одну из причин этого Розанов (и не только он) видел в этническом происхождении Гоголя. В письме к П. Б. Струве в феврале 1918 года он писал: «Я всю жизнь боролся и ненавидел Гоголя: и в 62 года думаю: ты победил, ужасный хохол». Гоголь в какой-то миг и сам испугался, осознав деструктивную суть своего творчества, и началось покаяние, длившееся до самой смерти. Но «написанное пером»... жило своей жизнью.

Не думаю, что у Гоголя было какое-то сознательное намерение подорвать Россию изнутри, хотя, понятно, что освоение чужого мира порождает противоречия и конфликты. Россию Гоголь называет «духовной отчизной», но при этом в «Выбранных местах» говорит: «...я близкий родственник вам всем». Он признает общность «породы», однако не отождествляет, а дистанцируется даже в своей последней книге. Его позиция — над. Поэтому Россия не может, как в случае с Пушкиным, сказать, что «Гоголь — наше всё», поскольку это всё выглядит сомнительно. И протесты российских учителей в 90-е годы против изучения вершинных произведений писателя — лишнее тому доказательство. Гоголь привил русской литературе и культуре не просто критицизм, а уничтожающую силу смеха.

Певец украинской жизни

— А что насчет Украины, которая, как я понимаю, к смеху была приучена? Какими гранями своего творчества повлиял на нее Гоголь?

— В отношении Украины все тоже не так просто, как может показаться и как иногда утверждают. Такого противоречия здесь не было. Но было иное.

С одной стороны, Гоголь первым создал образ Украины. И пластический, и духовно-психологический. До сих пор представление об Украине возникает под влиянием Гоголя. Тут и смех, и печаль, и тайна мистических сил, и отвага и жертвенность казацких рыцарей. Если вы хотите рассказать иностранцу об Украине, посоветуйте ему почитать Гоголя.

Грушевский считал Гоголя «одним из наигениальнейших людей, которых дала Украина», который стал «энтузиастичным певцом украинской жизни» и «осыпал роскошными цветами творчества Украину, которая представлялась ему дорогой, прекрасной (но, отметьте) покойницей». Мысль Грушевского, вероятно, идет от статьи Гоголя «Про малороссийские песни», в которой тот писал, что народные песни — «надгробный памятник былого, более, нежели надгробный памятник: камень с красноречивым рельефом, с исторической надписью...». То есть для Гоголя это все было в прошлом. Для него прекрасная Украина была «покойницей». Это важно понять. Его историческое писание — это попытка спасти то, что навсегда, на взгляд Гоголя, было утрачено.

Обращаясь к прошлому, Гоголь, возможно, и не предвидел эффекта, который будет иметь его «отпевание» Украины. Прежде всего — в «Тарасе Бульбе», где он обратился к сюжету из истории казаческой Украины, ощущая зов предков, а среди них в роду Гоголей — гетманы Дорошенко и Скоропадский, а еще — Лизогубы, Забилы и других украинские

шляхетных родов.

...Повесть оставила и огромное духовное наследие, которое, свернутое и сконденсированное в миф, оживленный гением Гоголя, в новую эпоху вселилось (чего Гоголь и не предвидел) в украинское национальное тело, которое уже начало активно формироваться. Уже после смерти писателя в самые темные периоды национального бытия «Тарас Бульба» будил украинское сознание, напоминая о ее подлинно великом прошлом. Украинец получал в этом эпосе могучую опору, получал то, чем мог гордиться. Его национальную самобытность защищали и рыцари Гоголя. Описанные мною заслуги Гоголя — основание для того, чтобы его творчество стало национальным наследием.

— А если говорить о негативном влиянии Гоголя на, как когда-то говорили, «українську справу»?

— Жизненный путь Гоголя и его наследие объективно сыграли далеко не объединяющую роль, что ослабляло национальную энергию. Он, как утверждал один из пронизательных его критиков Евгений Маланюк, стал «фундатором мифа «Руси-России» и представителем «политического малороссийства». С точки зрения российского обывателя, Гоголь — образцовый малорос, которые не стал особенно переживать по поводу того, какая у него душа... В этом отношении Гоголь — как Путь — неприемлем, конечно, для украинца. И именно как путь он чаще всего пропагандируется в России и нашими малоросами, зато — он соблазнил и соблазняет многих искать славы и признания на просторах России. Ценой отказа от самих себя. Нечуй-Левицкий как-то сказал: «В каждом украинце спрятан маленький Гоголь, который, при благоприятных условиях, выходит наружу». Звучит как диагноз.

Легенды и мечты

— До сих пор ведется много дискуссий вокруг смерти Гоголя. Что здесь выдумки и что правда?

— Вокруг смерти Гоголя наворочено столько, что для того, чтобы все разгрести, нужна отдельная статья, если не книга. И Гоголь, надо признать, сам совершил несколько не совсем выверенных шагов, спровоцировавших эти разговоры. Во-первых, он еще при жизни поместил в «Выбранных местах» завещание, по форме отнюдь не символическое, а вполне реальное, где были распоряжения по поводу наследства и т.д. Для чего он это сделал? Можно только гадать. Я склонен думать, что объяснение имеет художественную подоплеку... Мотив собственной смерти и предшествующая завещанию исповедь, которая является своеобразным прологом к книге, служат средством сакрализации слова в «Выбранных местах». Такой ценой достигалась авторитетность слова. Такой высокой была цена слова. А предупреждение о летаргическом сне, о чем писала, к слову, современная писателю пресса, откликнулось сплетнями, воплощенными в легенде о том, что Гоголя похоронили заживо.

Перезахоронение 31 мая 1931 года, а также — отсутствие в гробу головы подлили масла в огонь, появился повод для фантазий. Да и гоголевское творчество с его таинственностью, мистицизмом тоже легко экстраполируется на жизнь самого творца. Все сошлось. И по большому счету, это плата писателя за попытку войти в мир таинственного. Сегодня это цветет пышным цветом и травестирует трагедию писателя — по словам Аксакова, «великую, грозную поэму, смысл которой еще долго не будет разгадан».

— Как обстоят дела с предложенным вами несколько лет назад памятником «Редкой птице»?

— А никак. Хотя вроде бы промоутеры появились, так что надежда есть. Для читателей поясню. Я уже несколько лет в прессе, выступая на различных научных собраниях,

многим творческим людям и чиновникам предлагаю идею памятника «Редкой птице» над Днепром. Идея наивная и немного смешная: мечтаю, чтобы на одной из опор, оставшихся от старого моста посреди Днепра, появился памятник той «редкой птице, которая долетит до середины Днепра». На металлической зигзагоподобной жерди, качаясь от порывов ветра, летит и не долетает до середины Днепра «редкая птица», вызывая светлую улыбку у каждого, кто читал произведения Николая Гоголя.

Н.Онищенко, еженедельник «Взгляд», №13 (147)

6 Апреля 2010